

УДК 93 (06)
ББК Т.я 43 + С.я. 43
С 232

Ответственный редактор Т.В. Любчанская
Редактор С.А. Баканов

Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета ЧелГУ. Выпуск 4. / Под ред. Т.В. Любчанской. – Челябинск: ООО «Издательство РЕКПОЛ», 2009. – 103 с.

ISBN 978-5-87039-263-9

Сборник научных работ содержит статьи аспирантов и студентов исторического факультета Челябинского государственного университета и тезисы докладов, представленных на XXXI и XXXII ежегодных конференциях ЧелГУ "Студент и научно-технический прогресс", которые состоялись на историческом факультете в 2008 г. и в 2009 г.

УДК 93 (06)
ББК Т.я 43 + С.я. 43

ISBN 978-5-87039-263-9

© Авторский коллектив, 2009
© Исторический факультет, 2009
© ООО «Издательство РЕКПОЛ», 2009

**«ХОЛОПЫ НА РУСИ» А.А. ЗИМИНА
И ВОПРОС О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ СТРОЕ
КИЕВСКОЙ РУСИ: КОНЦЕПЦИЯ «ДОФЕОДАЛЬНОГО ПЕРИОДА»**

1930-е гг. стали временем оформления единой советской идеологии. Это в свою очередь вело к конструированию новой концепции истории России¹. Коснулось это и работ по истории Киевской Руси. Начинаются длительные споры о сущности социально-экономического строя древнерусского общества. Катализаторами их стали как появляющиеся в это время работы Б.Д. Грекова, так и разного рода выступления партийных деятелей и партийно-идеологические документы (речь И.В. Сталина на первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников, «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР», «История ВКП(б). Краткий курс» и т.д.). Можно назвать как минимум три крупные дискуссии: 1933 г. в ГАИМК, 1939 г. в Институте истории АН СССР, 1940/41 г. в Институте государства и права АН СССР. Все они вращались вокруг концепции Б.Д. Грекова. В это десятилетие сложились и три основные точки зрения на данную проблему. Сторонники первой из них (Б.Д. Греков, М.М. Цвибак, А.В. Арциховский) считали, что древнерусское общество, миновав рабовладельческую формацию, перешло от первобытнообщинного строя к феодальному, характеризующий период Киевской Руси в качестве времени господства феодализма). Их непосредственные оппоненты (И.И. Смирнов, В.В. Мавродин в первой половине 1930-х гг., П.П. Смирнов, А.В. Шестаков в дискуссии 1939 г.) отвергали возможность подобного, перенося возникновение феодализма ко времени распада древнерусского государства, предшествующий строй, идентифицируя в качестве рабовладельческого. Но, пожалуй, наиболее оригинальной и своеобразной стала так называемая концепция «дофеодального периода», развивавшаяся в трудах таких историков, как С.В. Бахрушин, С.В. Юшков, В.В. Мавродин (в работах конца 1930 – начала 1950 гг.). Согласно данной точке зрения, социально-экономический строй Киевской Руси следует рассматривать в качестве своего рода переходного феномена, стоящего на стыке первобытнообщинной и феодальной формации. В течение этого времени параллельно сосуществуют три уклада: родовой, рабовладельческий и феодальный. Последний все более и более укрепляет свои позиции, пока не становится господствующим и происходит переход к феодализму.

К 1950-м гг. в отечественной исторической науке возобладали точка зрения о феодальном характере Киевской Руси. Впрочем, прежняя концепция Б.Д. Грекова была существенно модернизирована Л.В. Черепниным, заменившим крупное землевладение феодальной верхушки идеей о господстве в древнерусском обществе государственной собственности на землю и отождествлявшим выплачиваемую князю дань с феодальной рентой. Но так продолжалось недолго. Уже в 1960–1970-е гг. появился ряд работ, серьезно пересматривавших прежнюю картину социально-экономического строя древнерусского общества. Особенно активно реанимируется концепция «дофеодального периода». Своего рода венцом этого процесса становится появление исследований И.Я. Фроянова².

В это время публикует и ряд своих статей о зависимых категориях населения Киевской Руси ученик С.В. Бахрушина А.А. Зимин. В 1973 г. все его изыскания будут объединены в монографии «Холопы на Руси». Учитывая тот факт, что в построениях Б.Д. Грекова и Л.В. Черепнина рабству в структуре древнерусского общества отводилась крайне незначительная роль, имеет смысл обратить более пристальное внимание на то, каким образом А.А. Зимин рисует в данном исследовании картина социально-экономического строя Киевской Руси.

Рабство, по А.А. Зимину, играло немалую роль в жизни древнеславянского общества. Уже в текстах иностранных историков VI–VIII вв. говорится о людях, угоняемых славянами в рабство. Формы рабской зависимости в то время были сравнительно мягкими. Рабами пленники оставались лишь некоторое время, по прошествии которого они могли либо выкупиться, либо превращались в полноправных членов древнеславянской общины. Но с развитием имущественного расслоения внутри общины это положение меняется. С X в. рабы (в русских источниках того времени именуемые челядью), во-первых, переходят в частную собственность глав патриархальных семей, во-вторых, становятся объектом купли-продажи. Это отразилось как в сочинениях иностранных авторов (например, у Константина Багрянородного), так и в ряде правовых документов (Раффельштеттинский таможенный или мытный устав; Закон Судный, содержащийся в русско-византийских договорах 911 и 944 гг.). Появляются источники порабощения внутри страны (самопродажа, долг, вступление в брак с рабом или рабыней). Складывается презрительное отношение к рабам. Так, дочь Рогволда отказывается выйти замуж за князя Владимира, объясняя это тем, что он является сыном рабыни.

В качестве главного способа использования рабов А.А. Зимин называет торговлю. Другая, меньшая часть челяди находит себе место в числе княжеской администрации или доверенных лиц купцов. Примерно в то же время возникает и небольшая прослойка рабов, работающая на земле. Так, в Законе Судном за пленными закреплялась возможность выкупить себя из неволи. Челядин мог сделать это либо единовременно, выплатив своему хозяину необходимую сумму, либо, заключив с ним договор и отработав ее за определенное время. По мысли А.А. Зимина, отработывали именно участием в земледельческих работах. Кроме того, в летописном рассказе о покорении древлян княгиней Ольгой говорится о том, что покоренных принудили заниматься земледельческим трудом. Но насколько многочисленна была прослойка рабов, занятых на земледельческих работах? Это, по мнению А.А. Зимина, напрямую связано с вопросом о существовании в данный отрезок времени крупного княжеского землевладения. Все приводимые Б.Д. Грековым летописные свидетельства существования в то время княжеских сел он после тщательного их историко-ведческого разбора отвергает. Часть из них относится к более поздней летописной традиции и поэтому не может служить надежным историческим свидетельством, другая попросту неверно интерпретируется данным исследователем³. А это означает не только малочисленность челяди, работающей на земле, но и полностью рушит концептуальные построения Б.Д. Грекова.

Но в XI в. все меняется. Именно к этому периоду историк относит возникновение первых княжеских сел. Так, ирландский скальд Снорри Стурлузон в одной из своих саг упоминает о том, что Ярослав Мудрый выделил землю для изгнанного из Норвегии короля Олафа Святого. Русские летописи говорят и о том, что у самого Ярослава под Новгородом находилось владение Ракома. Коноуха Изяслава Ярославича убили дороговбужцы. Как предполагает А.А. Зимин, в княжеском селе. По мнению историка, именно «XI в. являлся временем утверждения феодальных отношений на Руси»⁴. Но в то же время основной производительной силой княжеских имений были рабы – холопы. Лучше всего это видно из анализа такой части Краткой редакции Русской Правды, как Устав Ярослава. Несмотря на то, что крупнейшая его часть посвящена хозяйственному функционированию княжеской вотчины, в нем нет статей, посвященных барщине и оброку. Взаимоотношения князя и общины в нем ограничиваются лишь разрешением небольших уголовных недоразумений, ничего не говорится по поводу их хозяйственных аспектов. Наконец, в них, с точки зрения ученого, ясно видно противопоставление княжеской дружины и свободных общинников холопам при отсутствии градаций для полувзависимого населения⁵.

Процесс феодализации в этот период идет как по линии постепенного превращения взимаемой дани и полюбья в феодальную ренту (в чем он сходится с Л.В. Черепниним), так и трансформации труда холопов в труд феодально зависимого крестьянства. Появляются новые категории челяди, располагавшиеся на стыке рабства и феодальной зависимости. Такими являются смерды и рядовичи.

Смердов, многими исследователями отождествлявшимися со свободными общинниками, или даже делившимися (в том числе и Б.Д. Грековым) на свободных общинников и феодально зависимых крестьян, А.А. Зимин однозначно считает частью холопства. За их смерть платилась вира в 5 гривен, столько же, сколько и за холопов; в летописях они часто упоминаются в одном ряду с холопами; в воспоминаниях Владимира Мономаха они противопоставляются свободным общинникам; со ссылкой на исследования Б.А. Романова историк говорит, что смерды не допускались до участия в вече. В то же время соответствующие статьи Русской Правды свидетельствуют о том, что данная категория населения работала на княжеской пашне под руководством сельских старост, селились селами и использовали рабочий скот, получаемый ими от князя. Но все это находилось у них лишь во временном пользовании, если смерд умирал, его имущество отходило князю. Таким образом, формой эксплуатации смерда, заключает А.А. Зимин, была барщина, что сближает его с положением феодально зависимого крестьянства. И в то же самое время он все же еще не выделился из общей массы холопов. Именно смерды, по мнению историка, являлись основной массой работников, занятых в княжеском хозяйстве.

Рядовичи (закупы) также отождествлялись А.А. Зиминим с холопами на основании одинакового размера виры за их убийство. За это же говорит и то, что в качестве послухов на суде они, как и боярские тиуны, могли выступать лишь в случае отсутствия свободных людей. Зимин видит в них холопов, выкупающихся на свободу. При этом закон ограничивал рядовича от посягательств господина, который мог не засчитывать выполненную рядовичем работу или произвольно повысить выкупную цену, нарушив, таким образом, заключенный ранее договор. По роду своих занятий рядовичи могли либо быть слугами в княжеской администрации, либо работать на пашне (так называемые «ролейные» закупы). От своего хозяина они получали не только землю и коня, но и плуг с бороней. Согласно мнению А.А. Зимина, именно эта группа холопов быстрее других приобрела черты феодальной зависимости⁶.

Окончательное утверждение феодальных порядков на Руси историк связывает с крестьянскими волнениями 1068–1071 гг. и восстанием в Киеве 1113 г. После них принимаются новые законодательные кодексы, в котором полностью сливается общегосударственное и доминальное право, все государство превращается в личный домен князя, завершается процесс трансформации дани и полюдь в феодальную ренту. Таким образом «процесс становления феодальных отношений к XII в. был уже пройденным этапом. Русь вступала в период развитого феодализма»⁷. В подобном понимании сущности российского феодализма А.А. Зимин смыкался с Л.В. Черепниним.

Труд холопов становится непроизводительным. Поэтому их число резко сокращается. Смерды же и рядовичи трансформируются в феодально зависимых крестьян. Так, рядовичи в исторических памятниках уже именуются «закупами», что, с точки зрения историка, подчеркивало «состояние выкупающегося, его работу за "купу"» и «тем самым выкуп как бы отходил в тень, право закупа выходит на свободу становилось номинальным, а он сам превращался в феодально зависимого человека, навечно закрепленного за господином»⁸. Подчеркивал новое положение и законодательный запрет махинаций с выделенной ему землей, и освобождение от ответственности за гибель коня во время работы на себя или на барщине (т.е. конь начал рассматриваться как собственность закупа). «Смердий конь» в источниках превращается в коня «инех», т.е. также становиться собственностью смерда. В случае наличия сыновей смерд передавал им свое имущество, что еще более привязывало данную категорию населения к земле. Наконец, появились случаи, когда смерд, как и свободный человек, платил продажу, и даже получал гривну «за муку», если пострадал в результате действий другого смерда⁹.

Таким образом, можно уверенно говорить о том, что работа А.А. Зимина «Холопы на Руси» стала в отечественной историографии 1960–1970 гг. одним из шагов по направлению к реабилитации так называемой концепции «дофеодального периода».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950). Брянск, 2005.
- ² Данилова Л.В. Изучение истории феодальной России // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1985. Т. 5. С. 110–126, 146–161; Свердлов М.Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX вв. СПб., 1996. С. 213–318; Фроянов И.Я. Киевская Русь: очерки отечественной историографии. Л., 1990. С. 168–319; Фроянов И.Я., Мавродин В.В. Общественный строй Киевской Руси // Советская историография Киевской Руси. Л., 1978. С. 85–118.
- ³ Зимин А.А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973. С. 9–55.
- ⁴ Там же. С. 73.
- ⁵ Там же. С. 100.
- ⁶ Там же. С. 95–112, 117–142.
- ⁷ Там же. С. 197.
- ⁸ Там же. С. 200.
- ⁹ Там же. С. 200–232.

О. Богомазова

В.О. КЛЮЧЕВСКИЙ И ЕГО АУДИТОРИЯ: ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ УЧЕНЫМ И ОБЩЕСТВОМ

В русло "антропологизации историографии" вливается подход, ориентированный на анализ науки, как некой развивающейся социокультурной традиции¹. При этом уровень развития исторической науки определяется не только числом именитых историков и высокой научной планкой накопленных исторических знаний, но и интересом общества к их восприятию: не только числом, но и качеством аудитории и ее взаимосвязью с миром науки². Мы с уверенностью можем заявить, что научные труды и лекторская деятельность В.О. Ключевского не были обделены вниманием общественности. Проблема состоит в том, какой характер приобретало это внимание. Свидетельством тому служат многочисленные воспоминания его современников, которые мы находим в источниках мемуарного жанра.

Не ставя целью охватить все многообразие культурных проявлений эпохи, сосредоточив внимание на некоторых узлах "смысловых сетей", нашедших свое отражение в системе коммуникации одного из известнейших представителей научного сообщества – В.О. Ключевского – и той части московского социума, которая принадлежала к числу его аудитории в широком смысле слова. В связи с этим сообразно рассмотреть состояние социокультурной атмосферы, а так же науки и общества на тот момент, характер их взаимоотношений и взаимопонимания; акцентировать внимание на существовании феноменов, типичных или же атипичных для данного социума и культуры; обратиться к образу историка, который выступает в качестве средства исследования "своеобразия культурных проявлений"³ и интерпретации внутренней ситуации в социокультурном, научном сообществе рубежа веков.

Необходимо начать с того, что Московский университет являлся органичной частью Москвы, которая отличалась "глубочайшей национальной основательностью тех, кто определял ее лицо"⁴. И хотя нередко встречались среди них приезжие, они вращались корнями в московскую жизнь. Современники отмечали, что для москвичей характерна самобытность, "довольство людьми и миром"⁵, снисходительность и корпоративность – качества сохранения глубокой внутренней традиционности московского общества. Внутренняя среда Москвы как "культурной столицы" и высокая степень коммуникации "центрального города" притягивала к себе таланты, формировала более свободную, чем в Петербурге, атмосферу творчества⁶. Вероятно, эта особенность и способствовала возможности проявиться и стать известным просветительскому таланту Ключевского – лектора в среде широкой аудитории.